

*К. Брандист*

## **КОНСТАНТИН СЮННЕРБЕРГ (ЭРБЕРГ) И ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ЖИВОГО СЛОВА И ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ В ПЕТРОГРАДЕ—ЛЕНИНГРАДЕ. 1918—1932 гг.\***

В постреволюционные годы разработке социологических исследований речевых актов стало уделяться пристальное внимание, однако работа, проделанная в данной области, до сих пор оставалась малоизученной в современных научных кругах. В этой связи деятельность небольшой группы ученых, так называемого круга Бахтина, представлялась весьма новаторской, в то время как большая часть важнейшей исследовательской работы советских ученых в сфере диалогической речи и речевых жанров, работы, собственно, «подпитывавшей» круг Бахтина, оставалась в тени. В настоящей статье прослеживается динамика развития подобной работы, которая, в частности, велась в 20—30-х гг. прошлого века в Ленинграде. Особое внимание здесь уделяется Константину Александровичу Сюннербергу (Эрбергу) (1871—1942), игравшему наиболее значительную роль в разработке вышеназванных вопросов как теоретика, педагога и организатора.

В своих исследованиях, посвященных понятию «живое слово», Ирина Иванова отмечает, что интерес к изучению проблемы живого слова был напрямую связан с нарастающим уровнем народного недовольства и активизации общественных движений, а также с рядом политических уступок, которыми были ознаменованы последние годы царизма. Бурное развитие просторечной риторики, с одной стороны, и официальные выступления в судах и недавно сформированной Думе — с другой представляли собой новые объекты исследований для русских мыслителей.<sup>1</sup> В результате прак-

---

\* Публикация подготовлена в рамках проекта «Становление и развитие ранней советской социолингвистики (1917—1938 гг.): институты, идеи, актуальные вопросы», осуществляемого на средства Исследовательского совета по гуманитарным наукам (Arts and Humanities Research Council (AHRC), Великобритания).

<sup>1</sup> *Иванова И.* Развитие понятия «живое слово» в русской культуре конца XIX—начала XX века (от словосочетания к официальному институту) // Contributions suisses au XIIIe congrès mondial des slavistes à Ljubljana, aout 2003 / Ed. Patrick Sériot. Bern et al: Peter Lang, 2003. P. 103—117.

тического изучения живого слова и публичной речи появился ряд учебников-пособий по таким вопросам, как методика построения судебной речи; здесь, в частности, можно отметить влиятельную работу П. С. Пороховщикова (псевдоним — П. Сергеич) «Искусство речи на суде».<sup>2</sup>

В филологии того времени превалировали этнографический и психологический подходы, и вопросы, связанные с типологией речевых актов, возникали главным образом в контексте изучения текстов античных классиков и рассматривались зачастую достаточно формально. Историческое же изучение места риторики в античной культуре было представлено, в частности, в работе Ф. Ф. Зелинского о великом римском ораторе Цицероне,<sup>3</sup> однако общетеоретические вопросы в подобных исследованиях решались в рамках психологического подхода, заимствованного из немецкой традиции «народной психологии» (*Völkerpsychologie*). Типичными с этой точки зрения являются работа Зелинского о В. Вундте и его представлении психологической природы языка как комплекса ментальных жестов,<sup>4</sup> а также ряд статей, появившихся в недолго просуществовавшем журнале «Голос и речь» (1913—1914), печатавшем статьи на психологические, исторические и театральные темы (последние также включали общие проблемы сценического искусства). Деятели Петербургской (Ленинградской) и Московской лингвистических школ достигли больших успехов в разработке проблем ареальной диалектологии и, более того, начали поднимать вопрос о социальной стратификации языка, но поскольку проблемы общественных взаимоотношений рассматривались в рамках «народнопсихологических» понятий, таких, например, как «народная душа» (*Volksseele*), теория живого слова и публичной речи оставалась не разработанной в социологическом ключе.

Александр Вучинич справедливо утверждает, что систематический социологический подход, широко представленный в рамках политико-идеологических течений, практически не применялся в научных кругах.<sup>5</sup> Социологические и социополитические характеристики живого слова и публичной речи были сформированы марксистским движением и проявили себя в форме агитации и пропаганды. Эта мысль впервые была высказана Плехановым в 1891 г. и позже получила свое развитие у польских марксистов в памфлете 1894 г. «Об агитации», а также у Ленина в «Что делать?» (1902).<sup>6</sup> Так, согласно ленинской точке зрения, «пропагандист <...> должен дать „много идей“, настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами.

<sup>2</sup> Сергеич П. Искусство речи на суде. СПб., 1910.

<sup>3</sup> Зелинский Ф. Ф. О чтении судебных речей Цицерона в гимназиях // Филологическое обозрение. 1894. Вып. 1. С. 143—166; Цицерон в истории европейской культуры [1896] // Возрожденцы. СПб., 1922. С. 20—57; см. также: Белкин М. Б. Тема Цицерона в творчестве Ф. Ф. Зелинского // Миэмон: Исследование и публикации по истории античного мира / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 357—370.

<sup>4</sup> Зелинский Ф. Ф. Вильгельм Вундт и психология языка [1901] // Древний мир и мы. СПб., 1911. С. 151—221.

<sup>5</sup> Vuchinich A. Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society. Stanford: Stanford University Press, 1976.

<sup>6</sup> См.: Cliff Tony. Lenin: Building the Party 1893—1914. London: Bookmarks, 1986. P. 42—68, 79—98.

Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример, — скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п. — и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать „массе“ одну идею: идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается возбудить в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому главным образом печатным, агитатор — живым словом».<sup>7</sup>

Исторический анализ подобных дискуссий, основанный не на предвзятом отношении к соответствующим идеям, возникшим под влиянием последующих событий, а на их объективной оценке, показывает, что революционеры осознавали необходимость уделять пристальное внимание Аристотелевой триаде взаимозависимых составляющих риторики: оратор—предмет—аудитория, где последняя определяет объект и заключительную часть публичного выступления. В следовании данному правилу усматривали залог успеха в деле преобразования небольшой политической секты в массовую партию. Несмотря на то что в названных политических работах отсутствуют какие-либо ссылки на античные традиции, сам анализ такого явления, как агитация, приводит к возрождению интереса к классическим учениям в области стилистики ораторской речи.<sup>8</sup> На примере агитации и пропаганды искусство построения спора представлено наиболее выпукло: *этнос* (вызывающий у публики доверие к оратору), *пафос* (обеспечивающий эмоциональное восприятие речи аудиторией) и *пистис* (доказательство), гармонично распределенные в соответствующих пропорциях для обоснования потенциальной выгоды или вреда от предлагаемых действий.<sup>9</sup> При выборе наиболее приемлемой (*грепон*) тактики «вербального внедрения» в среду потенциальных слушателей предполагался анализ специфических социологических характеристик аудитории и ориентация на ее шкалу ценностей.<sup>10</sup> Таким образом, агитация и пропаганда являлись видами совещательной риторики (*symbouleutikon*) при определенных обстоятельствах, а именно: при стратегически и тактически просчитанном выступлении на свободных собраниях (как-то: профсоюзных митингах, оргсобраниях, в советах и т. д.), где представители различных точек зрения

<sup>7</sup> Ленин В. И. Что делать? // ПСС. 5-е изд. М., 1967. Т. 6. С. 66—67.

<sup>8</sup> Карл Бюлер, работы которого имели существенное влияние в Советском Союзе в 1920-е гг., развивает ту же мысль, опираясь на «анализ репрезентирующего языка», см.: Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 2000. С. 55.

<sup>9</sup> Замечательный комментарий к данной тематике см. в кн. Б. Викарса: *Vickers Brian. In Defence of Rhetoric. Oxford, 1987.*

<sup>10</sup> Ср. рассуждения Аристотеля о необходимости оценки аудитории в кн.: *On Rhetoric / Trans. George Kennedy. Oxford, 1991. P. 235—237*, а также комментарий в кн. Викарса: *Vickers Brian. In Defence... P. 296—297*. Приноровление к шкале ценностей толпы считалось безвкусицей в аристократической среде критиков демократии, см. об этом, в частности, в кн. Д. Обера: *Ober Josiah. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology and the Power of the People. Princeton, 1989. P. 43—45*. Этот аспект революционной тактики не был замечен рядом известных исследователей данного периода, которые не смогли увидеть значения водораздела между агитацией и пропагандой. См., в частности: *Kenez Peter. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization 1917—1929. Cambridge, 1985. P. 8*, где этот водораздел совершенно не учтен.

боролись за лидерство при разборе какого-либо частного конфликта. Риторическая цель агитации и пропаганды при этом усматривалась в представлении данного частного конфликта в свете общей социально-политической борьбы. Подобная тактика оказывала глубокое влияние на само понимание идеи демократии, поскольку аудитория, которая представляла собой собственно объект подобных убеждений и в сознание которой пытался проникнуть оратор, должна была голосовать и принимать решение, взвесив все прозвучавшие аргументы. Таким образом, несмотря на то что в до-революционной России уделялось внимание как общей теории и истории живого слова и публичной речи, с одной стороны, так и их социополитическим характеристикам — с другой, изучение этих явлений развивалось по двум параллельно идущим направлениям, разделенным идеологически и находящимся в ведении различных институтов.

Постреволюционная деятельность К. А. Сюннерберга представляет собой один из наиболее интересных случаев, когда, доселе обособленные, академическая и политическая сферы пересеклись в области изучения живого слова и публичной речи. Будучи известной фигурой в истории культуры серебряного века, ученик Льва Шестова, философ, критик и поэт-символист, Сюннерберг был захвачен общесимволистским увлечением эллинизмом и его связью с классической научной традицией, на что был вдохновлен, в частности, В. И. Ивановым и Ф. Ф. Зелинским. Это обстоятельство давало ему все полномочия взять на себя миссию распространителя новых идей и организатора встреч политических и академических деятелей, занимавшихся вопросами изучения живого слова, когда Сюннерберг активно начал принимать участие в реорганизации культурных институтов после революции.

Об этом периоде деятельности Сюннерберга имеется несколько трудов, посвященных его работе в Петроградском отделении Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса. Автор статьи уделяет особое внимание роли Сюннерберга в проекте создания Вольной философской академии (Вольфила) в 1918—1919 гг. (академия была разрешена властями как ассоциация).<sup>11</sup> Однако в период с 1918 по 1932 г. большая часть профессиональной деятельности Сюннерберга была связана с изучением и преподаванием живого слова и публичной речи в ряде институтов, позже игравших ключевую роль в разработке социологического подхода к изучению языка раннего советского общества. Данный подход принципиально отличался как от узко глоттогенетических позиций в лингвистике, так и от социального редукционизма школы Н. Я. Марра, поскольку акцент в данном случае делался на социальной функции человеческой речи. Архив Сюннерберга, хранящийся в ИРЛИ, содержит богатую и ценную информацию о процессе раз-

---

<sup>11</sup> Белоус В. Г. 1) Константин Эрберг — философ-«иннормист» (к портретам «вольфильцев») // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 101—105; 2) Константин Эрберг о «Вольфильском юбилее» и юбиляре — Р. В. Иванов-Разумник / Публ. В. Г. Белоуса // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 148—162; 3) Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]. 1919—1924. М., 2005. Кн. 1—2; *Заблоцкая А. Е.* Конст. Эрберг в научно-теоретической секции Наркомпроса (1918—1919) // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1996. № 20. С. 389—403. Общее описание его жизни и деятельности см.: *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Конст. Эрберг (К. А. Сюннерберг). Воспоминания // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 99—115.

вития данной области в 1920-е гг., однако по-настоящему оценить значение этих материалов можно, лишь соотнеся их с архивными документами соответствующего периода, имеющимися в других хранилищах.<sup>12</sup>

Сюннерберг принадлежал к той части интеллигенции, которая после октябрьских событий 1917 г. с готовностью принялась сотрудничать с новым режимом. Наряду с такими видными деятелями культуры, как поэты А. А. Блок и А. Белый, режиссер В. Э. Мейерхольд, литературовед Р. В. Иванов-Разумник и театровед В. Н. Всеволодский-Гернгросс, он стоял у истоков организуемого в то время ТЕО, в составе педагогической подсекции.<sup>13</sup> Как член научно-теоретической группы Сюннерберг принимал участие в предварительном проекте положения Вольфилы, в первом параграфе которого утверждалось, что данная ассоциация организовывалась «с целью исследования и разработки в духе социализма вопросов культурного творчества, а также с целью развития и укрепления как среди своих сочленов, так и за пределами Ассоциации социалистического и философского отношения к этим вопросам».<sup>14</sup> Ассоциация имела четко поставленную задачу — участвовать в «реформировании жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей и реформирование философии путем включения в систему ее насущнейших проблем задачи непосредственного воздействия на живую историческую жизнь».<sup>15</sup> Философия творчества Сюннерберга наиболее четко представлена в его книге «Цель творчества», вышедшей в 1913 г.; книга затем была переиздана в сокращенном виде в 1919 г. как часть серийного издания работ, отображающих основные идеи членов Вольфилы. Эти идеи были проведены в двух сборниках, вышедших под редакцией Сюннерберга: «Искусство старое и новое» (1921) и «Искусство и народ» (1922).

### Институт живого слова (1918—1924 гг.)

Будучи сотрудником педагогической подсекции ТЕО в октябре 1918 г., Сюннерберг принимал участие в обсуждениях организации курсов художественного слова с В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, поэтом Н. С. Гумилевым, наркомом А. В. Луначарским, В. Э. Мейерхольдом, лингвистами Л. В. Щербой, Л. П. Якубинским и некоторыми другими. Результатом этих дискуссий стало основание Института живого слова (ИЖС) в конце того же года.<sup>16</sup> Сюннерберг входил в совет института со дня его основания, годом позже он получил звание профессора и в 1923 г. был назначен председателем института. В институте Сюннерберг читал «Философию творче-

<sup>12</sup> К подобным собраниям архивных документов относятся, в частности, материалы, связанные с деятельностью Института агитации им. Володарского, хранящиеся в ЦГАИПД (СПб), ф. 8720, ТЕО Наркомпроса в ЦГА (СПб), ф. 2551, ИЛЯЗВа (Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока) — в РГАЛИ (СПб), ф. 288, РАНИОНа — в ГАРФ (Москва), ф. А-4655, а также в двух личных архивах: Н. С. Державина в ПФА РАН, ф. 827 и В. М. Крепса в РГАЛИ (Москва), ф. 2889.

<sup>13</sup> ЦГА (СПб), ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 1477.

<sup>14</sup> Цит. по: *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. С. 51—52.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> ГАРФ, ф. А-2306, оп. 24, ед. хр. 11, л. 14—23 об.

ства», главный его курс, составленный на основе книги «Цель творчества». <sup>17</sup> При этом он занимал должность директора ораторского отдела и в этом качестве поддерживал контакты, в частности, и с представителями круга Бахтина: Л. В. Пумпянским и М. И. Каганом, а также — с А. Ф. Кони, в то время уже престарелым. <sup>18</sup> По всей вероятности, именно работа в ораторском отделе подвигла Сюннерберга к радикальной смене его исследовательских интересов и педагогической деятельности, которые теперь были полностью направлены на изучение ораторской речи. Данная смена направления, однако, имела для него определенные негативные последствия, поскольку поток публикаций Сюннерберга на некоторое время прекратился и впоследствии так и не набрал своей прежней силы.

В качестве своих задач ИЖС выдвигал следующие: «1) научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области живого слова и связанных с нею дисциплин, 2) подготовку мастеров живого слова в областях: педагогической, общественно-политической и художественной и 3) распространение и популяризацию знаний и мастерства в области живого слова». <sup>19</sup>

В речах, произнесенных на открытии института, эти задачи увязывались с процессом демократизации, происходящим в народной массе. Луначарский утверждал, что революция сделала демократизацию возможной, и теперь «надо учить говорить весь народ от мала до велика». <sup>20</sup> По сути дела, нарком Луначарский призывал к созданию условий для полного равноправия голосов, или исигории (*isēgoria*), практиковавшейся во времена древнегреческой демократии. <sup>21</sup> Известный историк-классик, сторонник идеи «третьего возрождения» Ф. Ф. Зелинский высказывал эту же идею в своем выступлении, подчеркивая, что «афинская демократия была той ячейкой, которой было вскормлено живое слово. Дальнейшая история античного мира типична также и потому, что она доказывает нам неразрывность этих двух понятий — демократии и живого слова». <sup>22</sup> Зелинский развивает данную мысль в статье, напечатанной в сборнике «Искусство и народ», вышедшем под редакцией Сюннерберга. Автор статьи, в частности, пола-

<sup>17</sup> См. программу курса в кн.: Записки института живого слова. 1919. Вып. 1. С. 43—48 (далее — Записки).

<sup>18</sup> Пумпянский поддерживал контакты с Сюннербергом по крайней мере с периода их совместной деятельности в Вольфиле; контакты с Каганом могли завязаться приблизительно в это же время, через знакомство с Пумпянским и их общим другом Ароном Штейнбергом. Позже интересы членов круга Бахтина и Сюннерберга нашли свое отражение в исследовательской работе В. Н. Волошинова в ИЛЯЗВе. Архив Сюннерберга содержит письма всех этих лиц, связанные с деятельностью института. См.: РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 470, 151, и 159 соответственно. Пумпянский вел курс «О нравственном и умственном состоянии в современной России», Каган читал «Историю эстетики», а Кони — «Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях» и «Этика общежития».

<sup>19</sup> Записки. С. 25.

<sup>20</sup> Там же. С. 23.

<sup>21</sup> Подробнее об исигории см.: *Wood Ellen Meikins. 'Demos Versus «We the People»: Freedom and Democracy Ancient and Modern' // Ober J., Hendrick C. (eds). Demokratia: A Conversation on Democracies, Ancient and Modern. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 121—138.*

<sup>22</sup> Записки. С. 8.

гал, что возрождение живого слова, начавшееся после судебной реформы 1860-х гг., предвосхитило революционный переворот.<sup>23</sup> Можно с уверенностью утверждать, что наиболее известной и влиятельной фигурой в составе ораторского отдела являлся А. Ф. Кони, который был непосредственно связан с этим периодом бурного развития судебного красноречия и чей курс «Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях» вызывал широкий интерес у студентов всех отделений.<sup>24</sup> Несмотря на то что Кони преподавал судебное красноречие задолго до октябрьских событий, как только его педагогическая деятельность перестала быть ориентированной на сугубо юридические институты, он занялся изучением места судебного красноречия в системе других видов публичной речи, выявляя и анализируя «общественно-политические задачи живого слова, орудия речи, формы обращения к слушателям, необходимые условия воздействия живого слова, связь живого слова с литературой и т. д.»<sup>25</sup> Это был существенный шаг в направлении к созданию социологической классификации речевой деятельности, поскольку формы речи сопоставлялись с их общественными функциями, и при анализе видов речевой деятельности подчеркивалось их этическое содержание. Ряд работ Кони, таких, например, как «Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики)» (1902), в которой справедливость тесно связана со «свободой внутреннего убеждения», будучи вынесенными за рамки узкоюридического контекста, приобретали качественно новый общественный смысл, звучали в духе совещательной демократии.<sup>26</sup> Однако курсы, читаемые Кони, были прежде всего прикладного характера, в известной степени свободными от сложных лингвистических теорий и разработанной систематической методологии. Архив Сюннерберга содержит ряд писем Кони, из которых становится ясно, что при всем интересе последнего к работе института почтенный возраст и слабое здоровье Кони вынуждали его ограничить свою преподавательскую нагрузку.<sup>27</sup>

Вместе с Кони в институте работали Л. В. Щерба и, что особенно примечательно, Л. П. Якубинский, оба — профессора Петроградского университета, а в прошлом — студенты И. А. Бодуэна де Куртенэ. Их присутствие в стенах института как нельзя более выгодно отразилось на возникновении теоретических предпосылок к созданию классификации форм речи.

<sup>23</sup> Зелинский Ф. Ф. Значение ораторского искусства // Искусство и народ. СПб., 1922. С. 169—176, 172.

<sup>24</sup> См., в частности: Чуковский К. И. Анатолий Федорович Кони // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 5—25. В своем письме Н. Н. Полянскому, датированном 1919 г., Кони писал: «Меня эти занятия очень увлекают, а отношение ко мне молодежи очень трогает» (Там же. С. 307—308).

<sup>25</sup> Записки. С. 82—84.

<sup>26</sup> Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 33—69. Можно допустить, что книга также являлась источником идеи проведения водораздела между «внутренне убежденным словом» и «авторитетным словом» в бахтинском «Слове в романе» (1934). О влиянии юридической парадигмы на формирование идеи представителей круга Бахтина о жанре романа см. подробнее: Brandist C. The Hero at the Bar of Eternity: The Bakhtin Circle's Juridical Theory of the Novel // Economy and Society. 2001. 30 (2). P. 208—228.

<sup>27</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 159.

А. А. Леонтьев отмечает, что в курсах «Эволюция речи» и «Семантика речи» Якубинский выдвигал на первое место проблему «целей речи».<sup>28</sup> этому вопросу посвящена его статья «О диалогической речи» (1923).<sup>29</sup> В данной статье, хорошо известной в середине—конце 1920-х гг., Якубинский сделал попытку полной социологизации бодуэновского понимания языка в духе «народной психологии» (*Völkerpsychologie*), т. е. как формы коллективного мышления, языковой деятельности. Якубинский, в частности, подчеркивал, что «язык есть разновидность человеческого поведения», а «человеческое поведение есть факт психологический (биологический), как проявление человеческого организма, и факт социологический, как такое проявление, которое зависит от совместной жизни этого организма с другими организмами в условиях взаимодействия».<sup>30</sup> В статье также впервые высказывается идея о естественности диалога и искусственности монолога — вопрос, занимавший Бахтина в 1930-е гг. От своего учителя Якубинский также унаследовал четкое представление о социальной стратификации языка, что, в свете перечисленных выше задач института, подвигало его к поиску научного подхода к изучению публичной речи. Начало этому было положено в конце 1920-х гг. в организованных Якубинским двух лабораториях публичной речи в разных институтах.

Несмотря на ту новаторскую работу по изучению живого слова, которая велась на ораторском отделении, основная деятельность ИЖС была ориентирована на театральное искусство в силу того обстоятельства, что институт находился в ведении ТЕО и возглавлял его известный театровед Всеволодский-Гернгросс.

Большая часть ресурсов института была направлена на строительство амфитеатра и на приглашения «преподавателей ритмической гимнастики и пластики различных систем». Театральное отделение выросло в самостоятельное учреждение — экспериментальный театр.<sup>31</sup> Всеволодский-Гернгросс опубликовал монографии «Теория русской речевой интонации» (1922) и «Искусство декламации» (1925), которые отражали результаты работы института в области театроведения, при этом публикации по итогам работ других отделений практически отсутствовали.

### **Госкурсы агитации и техники речи (1924—1930 гг.) Институт агитации им. Володарского (1930—1932 гг.)**

Весной 1924 г. принято решение о закрытии ИЖС на основании того, что он «дублирует другие театральные студии, которых и без него в Ленинграде достаточно». По воспоминаниям одной из студенток института, Н. В. Галаниной, студенты ораторского отделения отказались признать

<sup>28</sup> См. биографический очерк «Жизнь и творчество Л. П. Якубинского» в кн.: *Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование*. М., 1986. С. 5.

<sup>29</sup> Русская речь. Пг., 1923. № 1. С. 96—194.

<sup>30</sup> Там же. С. 96—97. Наследие идей Бодуэна в работах Якубинского и Щербы подробно рассматривается в статье: *Леонтьев А. А. И. А. Бодуэн де Куртенэ и петербургская школа русской лингвистики // Вопросы языкознания*. 1961. № 4. С. 116—124.

<sup>31</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 659, л. 13.



данные меры правомерными и направили трех представителей-комсомольцев в Москву с просьбой отменить решение о закрытии. «При содействии А. В. Луначарского разрешено было на базе ораторского отделения ИЖС открыть новое учебное заведение, но уже не институт, а Госкурсы техники речи, которые готовили бы в основном агитаторов и куда направлялись бы слушатели главным образом из райкомов партии».<sup>32</sup> Новое заведение находилось в ведении Главполитпросвета Наркомпроса, задачи которого, как они были определены на X съезде РКП(б), состояли «в агитационно-пропагандистской работе среди внепартийных масс и в их культурном просвещении, причем аппарат и силы Главполитпросвета должны быть всячески использованы также для поднятия уровня сознательности членов партии (партшколы, школы политграмоты и т. п.)».<sup>33</sup> Набор слушателей Госкурсов состоял практически из одних комсомольцев, которые были моложе и менее подготовлены по сравнению со студентами ИЖС, однако учебная программа, по крайней мере на начальном этапе, была достаточно обширной, а преподавательский состав отличался высоким уровнем знаний и компетентности. Якубинский был избран первым ректором курсов, а Сюннерберг занял должность профессора и декана ораторской секции.<sup>34</sup>

В составе курсов техники речи имелось три отделения. Первое — отделение литературного творчества и журналистики — было создано для подготовки «руководителей литературно-творческих и журналистических кружков для учреждений Политпросвета, Профобра и Соцвоса».<sup>35</sup> Курсы отделения были распределены по специальностям: история литературы, теория и практика литературы и журналистика. В преподавательский состав входили Б. В. Томашевский, читавший курс лекций по поэтике, и Ю. Н. Тынянов, преподававший русскую литературу. Второе отделение — речевой педагогики — имело целью «подготовку преподавателей гигиены речи» для учреждений Политпросвета, Профобра и Соцвоса, в музыкальных техникумах и «как инструкторов для руководителей кружков художественного чтения (сольного и хорового) и рассказывания в школах». Третьим отделением, на деятельности которого мы хотели бы здесь остановиться, было отделение публичной речи, имевшее целью «подготовку инструкторов-преподавателей публичной речи для учреждений Политпросвета и Соцвоса».<sup>36</sup> В качестве преподавателей отделения работали, в частности, А. Ф. Кони, читавший курс «Общие основы публичной речи», Л. В. Щерба, преподававший фонетику, и Л. П. Якубинский, который вел «Введение в языковедение».<sup>37</sup> Сюннерберг, как указывается в списках сотрудников отдела, вел практикум по публичной речи, что также находит свое подтверждение в воспоминаниях Галаниной. В списках преподавательского состава упоминается В. М. Крепс, выпускник ИЖС и юридиче-

<sup>32</sup> Там же, л. 14.

<sup>33</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М., 1953. Ч. 1. С. 549—550.

<sup>34</sup> ЦГАИПД, ф. 8720, оп. 1, ед. хр. 3.

<sup>35</sup> Там же, ед. хр. 4, л. 1—5.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> Там же, ед. хр. 3.

ского факультета Петроградского университета, будущий киносценарист. Эта фигура постепенно начинает обретать все большее значение в области разработок теории и практики публичной речи. Имя Крепса фигурирует в списках в качестве преподавателя курса «Виды и методы политпросветработы, устная агитация».

Со времен гражданской войны до августа 1926 г. Крепс оставался в кадрах Военно-Морского флота на должностях инструктора политотдела, инспектора политического управления Балтфлота и, наконец, начальника кафедры политработы военно-политического училища. В октябре 1924 г. он поступает в аспирантуру ИЛЯЗВ и позже защищает дипломную работу на тему «Эмоциональность в ораторских выступлениях» (Сюннерберг выступал на защите в качестве официального оппонента).<sup>38</sup> После демобилизации Крепс был назначен ректором Госкурсов техники речи.<sup>39</sup> Освободившись от ректорской нагрузки, Якубинский составил план работы научно-исследовательской лаборатории публичной речи при Госкурсах, оригинал которого хранится в архиве Сюннерберга.<sup>40</sup>

Назначение ректором Госкурсов Крепса, готовившегося в то время ко вступлению в члены партии после своей демобилизации из политотдела Балтфлота, наглядно демонстрирует степень зависимости Главполитпросвета от Агитпропа ЦК РКП(б). Возглавлявшая Главполитпросвет Н. К. Крупская еще в ноябре 1921 г. высказывала озабоченность тем, что в связи с нарастающим влиянием Агитпропа «политическая работа будет оторвана от работы просветительной, а Главполитпросвет превратится в простой административный аппарат».<sup>41</sup> Сложившаяся структура была подчинена правительственной задаче дать образование массовому числу рабочих, вступивших в партию в 1924 г., в период «ленинского набора». Эта задача была выдвинута на XIII съезде РКП(б), в период работы которого само понятие агитации стало претерпевать некоторые изменения, иллюстрацией чему может служить, в частности, следующий отрывок: «Приток в партию 150—200 тыс. рабочих от станка, прохождение ими школ политграмоты, повышенный интерес к партии делают необходимым широчайшим образом поставить дело индивидуальной и групповой агитации и пропаганды, главным препятствием к развитию которых был недостаток членов партии на предприятиях».<sup>42</sup>

Приведенная цитата является свидетельством смещения акцентов в политике партии с тактического вмешательства в свободные собрания и призыва к активным действиям вместо пустых споров противоборствующих сторон на воспитание нового поколения руководителей на предприятиях. Как отмечал Сюннерберг, данная резолюция «говорит о деятельности агит-

<sup>38</sup> РГАЛИ, ф. 2889, оп. 1, ед. хр. 218, л. 4.

<sup>39</sup> Там же, ед. хр. 197, л. 3.

<sup>40</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 481.

<sup>41</sup> *Андреева М. С.* Коммунистическая партия — инициатор создания и руководитель Главполитпросвета (1920—1923 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6. С. 86. Описание противостояния между Главполитпросветом и Агитпропом приводится в кн. М. Дэвид-Фокса: *David-Fox M. Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks 1918—1929.* Ithaca; London: Cornell University Press, 1997. P. 64—75.

<sup>42</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3: 1922—1925. С. 262.

татора вообще, а не о речевой его деятельности». <sup>43</sup> Последнее подразумевает целый ряд разнообразных приемов мотивации. «К разнообразным формам агитационной деятельности, — продолжает Сюннерберг, — относятся и газеты, листовки, плакаты, агитвыставки, демонстрации, фильмы, агитпьесы и проч.». <sup>44</sup> По мнению Сюннерберга, все это свидетельствовало о необходимости полного пересмотра и составления новой классификации форм речи, с учетом возникновения их новых разновидностей, передаваемых при помощи современных технических средств. Подобным же образом дальнейшее развитие теории ораторской речи предполагает новую формулировку понятия данного явления, отражающую специфику ее новых форм. Так, если агитация перестала быть направленной исключительно на массового слушателя, то речь, обращенная к массовой аудитории, должна быть классифицирована следующим образом: «Устная публичная речь есть рассчитанное на массового слушателя высказывание человеком своих или чужих мыслей, чувств и желаний при помощи звучащего живого или же механического слова». <sup>45</sup>

В конце 1920-х гг. Госкурсы были преобразованы в Институт агитации им. Володарского. Интересная исследовательская работа продолжала вестись и в стенах нового института, однако его профилирующим направлением стала подготовка кадров для административного аппарата в условиях «единоначалия», которые начали ставить организациям (в том числе и институтам) с января 1929 г. Интенсивная работа с фонотекой, эксперименты в области методов и техники передачи устной речи, а также лабораторная деятельность по разработке новых способов убеждения предвосхищали современные системы рекламных средств и методов побуждения. Таким образом, институт можно по праву считать предтечей современных курсов для подготовки менеджеров.

### **Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (1923—1932 гг.)**

Сокращение круга исследовательских интересов Госкурсов до чисто агитационного аспекта ораторской речи и переход самого учебного заведения в ведение партийных образовательных структур были не столь губительны для исследований в области других форм живого слова и публичной речи, как это может показаться на первый взгляд. Данный ущерб до определенной степени восполнялся самой системой партийно-государственного дуализма, при которой партийные структуры дублировали соответствующие государственные. Подобный параллелизм превалировал и в системе советского образования 1920-х гг. Факультет общественных наук (ФОН), сформированный Наркомпросом в Петроградском университете в 1922 г., положил начало основанию Института сравнительной истории литературы и новых языков им. А. Н. Веселовского, ставшего крупнейшим научно-исследовательским центром в области теории живого слова и пуб-

<sup>43</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 19, л. 22.

<sup>44</sup> Там же.

<sup>45</sup> Там же, л. 15.

личной речи. С упразднением всех ФОНов в советских университетах в 1924 г. институт вошел в состав Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), сформированной на базе ФОНа Московского университета. С 1923 г. институт был переименован в Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ). Директором ИЛЯЗВа был назначен Н. С. Державин, член Научного общества марксистов с 1920 г., ректор Петроградского университета в период с 1922 по 1925 г. и бывший председатель Группы левой профессуры, сыгравшей в свое время существенную роль в привлечении к сотрудничеству с Наркомпросом значительной части университетского преподавательского состава в 1921—1923 гг.<sup>46</sup> Кадры ИЛЯЗВа отличались высокой степенью профессионализма и разносторонними научными интересами, так, в числе сотрудников института были критики-формалисты, лингвисты-индоевропейцы, марристы, при этом сам институт сохранял относительную независимость от РАНИОНа вплоть до 1927 г., когда Главнаука Наркомпроса передала в руки президиума РАНИОНа контроль за бюджетом, кадрами и процедурой приема в институт. Работа ИЛЯЗВа с тех пор должна была «иметь научно актуальный характер, как с точки зрения теории и методологии науки, так и с точки зрения интересов социалистического строительства».<sup>47</sup>

Л. П. Якубинский основал лаборатории публичной речи на Госкурсах и в ИЛЯЗВе практически одновременно, однако первые упоминания о них относятся к марту 1924 г., в связи с новым проектом ИЛЯЗВа по изучению речи Ленина.<sup>48</sup> Первым результатом работы лабораторий стала известная дискуссия, развернувшаяся в том же году на страницах журнала «ЛЕФ». В ноябре 1926 г. В. М. Крепс начинает свою работу в ИЛЯЗВе, первоначально — в качестве старшего научного сотрудника при новой лаборатории, а в период с 1927 по 1928 г. — в качестве ее заведующего. Сюннерберг занимал в институте должность ученого секретаря.<sup>49</sup> Работа велась по двум направлениям: теоретическому, охватывающему «основные понятия публичной речи, вопросы терминологии, изучение современной публичной политической речи и др.», и практическо-методологическому, представлявшему собой «учет практической работы по технике публичной речи в системе и практике методики агитации и т. д.; руководство экскурсиями рабочих из агитшкол».<sup>50</sup>

Крепс был утвержден в звании действительного члена ИЛЯЗВа в конце 1928 г., и в следующем году им был направлен отчет о деятельности института в президиум РАНИОНа. Деятельность лаборатории заслужила горячее одобрение за связь лабораторных исследований «с практической <работой> культурного строительства и работой в массах».<sup>51</sup> Обе лабора-

<sup>46</sup> Подробнее об этой группе см.: *Месеняшин И. А.* Петроградская группа левой профессуры // Вестник высшей школы. 1958. № 9. С. 81—85; *Шулов Л. А.* Группа петроградской левой профессуры (1921—1923 гг.) // Вестник ЛГУ. 1967. Сер. 20: История. Язык. Литература. Вып. 4. С. 27—38; *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. С. 78—81, 95—128.

<sup>47</sup> ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1, ед. хр. 94, л. 7.

<sup>48</sup> РГАЛИ (СПб), ф. 288, оп. 1, ед. хр. 13, л. 19 об.

<sup>49</sup> ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1, ед. хр. 275, л. 3, 105 об.

<sup>50</sup> РГАЛИ (СПб), ф. 288, оп. 1, ед. хр. 31, л. 2.

<sup>51</sup> ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1 ед. хр. 278, л. 1.

тории публичной речи, одна — при научно-исследовательском институте РАНИОНа, другая — при «научно-практическом заведении», несомненно, работали в тесном сотрудничестве и находились в отношениях своего рода научно-производственного симбиоза. Постепенно лаборатории настолько тесно сплелись, что и штат сотрудников, и выполняемые лабораториями проекты практически объединились, а для аспирантов ИЛЯЗВа считалось обычной практикой преподавать на Госкурсах. Одним из наиболее интересных примеров тому служат годы обучения в аспирантуре В. А. Гофмана, слушавшего в 1928—1929 гг. курсы «применительно к выбранной специальности — теория и история публичной-ораторской речи»<sup>52</sup> в ИЛЯЗВе. Кроме того, здесь же он пишет статью «Проблема изучения агитационной ораторской речи в теоретическом разрезе» и делает доклад на тему «Проблема социально-исторического изучения ораторской речи» на заседании лаборатории ИЛЯЗВа. В то же время он читает лекции по «соц.-историческому анализу ораторской речи» на Госкурсах.<sup>53</sup>

Несмотря на то что Госкурсы преследовали чисто практическую цель, интерес к теоретическим вопросам здесь не угас, и упомянутое сужение профиля этого учебного заведения не помешало Сюннербергу в 1920—1930-е гг. читать курс «Теория ораторской речи», отражавший результаты всей его исследовательской деятельности.<sup>54</sup> Семинары по теории и социологии ораторского искусства, разработанные философами и практиками с античных времен до наших дней, чередовались с «тренировочным практикумом», во время которого студенты выполняли упражнения на тот или иной риторический прием и тренировались читать свои собственные доклады.<sup>55</sup> Тем не менее основная теоретическая работа велась в ИЛЯЗВе, где функциональный анализ языка, разработанный в лаборатории, являлся серьезным контраргументом глоттогонической теории марристов. При этом исследователи, которые, подобно Якубинскому, принимали участие в развитии обоих направлений, не стремились к их синтезу, а занимались их параллельным изучением. В первый год своей работы (1926—1927) лаборатория включала «две исследовательские группы по работе с агитаторами ВКП(б) и по составлению наглядных схем речей». В результате работы групп было «произведено свыше 400 записей речей агитаторов-массовиков на валики и начато их исследование; произведен анализ 28 граммофонных записей речей ораторов». В этот же период лаборатория подготавливала «сборник статей по публичной речи».<sup>56</sup>

По установлении контроля РАНИОНа над институтом всем научным сотрудникам надлежало принимать участие в коллективных и соответствующих индивидуальных проектах. Сюннерберг руководил двумя коллективными проектами, один из которых был посвящен «установлению терминологии и классификации понятий в области публичной речи»,<sup>57</sup> а второй — «составлению цикла монографий об ораторах революций». Также,

<sup>52</sup> Там же, оп. 2, ед. хр. 478, л. 5.

<sup>53</sup> Там же, л. 5 об.

<sup>54</sup> ЦГАИПД, ф. 4720, оп. 1, ед. хр. 43, л. 40—43 об.

<sup>55</sup> Там же, л. 44.

<sup>56</sup> ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1, ед. хр. 275, л. 4 об.

<sup>57</sup> Здесь и далее: ГАРФ, ф. А-4655, оп. 1, ед. хр. 275, л. 116—116 об.

совместно с Крепсом, Сюннерберг координировал «работу над составлением хрестоматии образцов публичной речи (с пояснительными статьями)». Крепс возглавлял исследовательскую группу, разрабатывающую методы «работы с агитаторами ВКП(б)», а также руководил экспериментальной работой «по изучению массовой политической речи». Индивидуальная научная деятельность Сюннерберга заключалась в «составлении библиографии по вопросам публичной речи» и «подготовке материалов для труда „Теория ораторской речи“», в то время как Крепс готовил материалы для труда «Устная агитация».

Примечательно, что в 1920-х гг. о работе лаборатории имелось крайне мало публикаций. По некоторым сведениям, Госкурсами («в сжатом виде») были выпущены первый выпуск «Теории ораторской речи» и три выпуска «Устной агитации», однако ни одного экземпляра этих публикаций нам не удалось отыскать. Монография Сюннерберга «Володарский как оратор», по всей вероятности, осталась неопубликованной, а ее рукопись, скорее всего, потеряна. Единственным исключением здесь является статья Сюннерберга «О формах речевой коммуникации», вышедшая в 1929 г. в выпускаемом институтом журнале «Язык и литература»; в конце статьи приводится упрощенная «наглядная схема речи».<sup>58</sup> Статья дает критический обзор работ о социальной функции языка французских лингвистов Бреалья, Балли и Мейе, а также их советских последователей — Р. О. Шор и М. Н. Петерсона. В заключение Сюннерберг отмечает, что предыдущее поколение исследователей данной области ошибочно рассматривало коммуникативную функцию в одном ряду с другими функциями речи. По мнению Сюннерберга, однако, все речевые функции являются лишь формами ее коммуникативной функции или «социальным фактом». Эти формы располагаются по возрастающей в направлении от пассивности к активности. Так, «формы 1) *номинативная*, 2) *интеррогативная* и 3) *информационная* оперируют только мыслями. Форма 4) *эстетическая* оперирует мыслями и эмоциями. Форма 5) *императивная* передает волевые решения, эмоции и мысли говорящего».<sup>59</sup>

С этого момента внимание Сюннерберга полностью направлено на систематизацию учения о формах речи, и, несмотря на то что его идеи не нашли отражения в публикациях, часть из них позже прослеживается в статьях Якубинского, напечатанных в журнале «Литературная учеба» в 1930—1931 гг. и впоследствии оказавших влияние на Бахтина.

### Система форм речи Сюннерберга

В личном архиве Сюннерберга хранится ряд интересных работ, наибольшую ценность из которых представляют следующие: четыре варианта статьи «О формах речевой коммуникации»,<sup>60</sup> два выпуска «Теории ораторской речи»<sup>61</sup> и, пожалуй, наиболее значительная работа Сюннерберга на эту тему — «О границах ораторской речи» (1929).<sup>62</sup> Заглавие последней

<sup>58</sup> Эрберг К. О формах речевой коммуникации // Язык и литература. 1929. Вып. 3. С. 156—179.

<sup>59</sup> Там же. С. 178.

<sup>60</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 20.

<sup>61</sup> Там же, ед. хр. 18 и 19.

<sup>62</sup> Там же, ед. хр. 21.

указывает на то, что это были попытки в духе феноменологических традиций каталогизировать и категоризировать формы речевой коммуникации и таким образом выявить природу и формы публичной речи вообще и ораторской речи в частности.

По Сюннербергу, «деление речевой деятельности человека на устную и письменную неудовлетворительно», поскольку ее необходимо разделить «применительно к воспринимающим ее „анализаторам“: 1) звуковому, 2) световому, 3) кожно-механическому». <sup>63</sup> В соответствии с этим «речь делится на 1) акустическую, 2) световую и 3) тактильную». <sup>64</sup>

Двум последним категориям в статье уделяется небольшое внимание, однако обе они далее подразделяются на несколько видов. Так, световая, или оптическая, речь «делится на естественную (язык жестов и «первобытную ручную (линейную) речь», которой был посвящен, в частности, ряд исследований Вундта и Марра) <sup>65</sup> и искусственную, которая в свою очередь подразделяется на «буквенную и небуквенную»; <sup>66</sup> примерами последней могут служить «первобытное картинное письмо <...> слоговое или силлабическое письмо <...> стенографическое письмо и проч.». Оптическая речь «может носить и частный, и публичный характер».

Тактильная речь подразделяется аналогичным образом. В качестве примера ее «буквенной» разновидности может служить Брайлево точечное письмо, а «небуквенной» — «жестикационная тактильная речь». Акустическая речь делится на естественную (устную) и искусственную (неустную). «Устная речь делится на органическую (живую) и механическую (мертвую)». Иллюстрацией последней разновидности является «синтезированная» речь (типа «говорящей машины» Фабера), но не звукозапись устной речи, которая подпадает под категорию «опосредствованной устной речи».

Главный упор в статье делается на устную речь. При этом автор признает ее прежнее деление на «речь монологическую и диалогическую» неудовлетворительным. Органическая (живая) устная речь делится на публичную и разговорную, каждая из которых включает непосредственную (речь сценическую, эстрадную — декламация, рассказывание и проч.) и «опосредствованную», как ее определяет Сюннерберг («радио-речь», относящаяся к публичной речи, и телефонный разговор — как речь разговорная). «Устная публичная речь есть рассчитанное на массового слушателя высказывание человеком своих или чужих мыслей, чувств и желаний при помощи звучащего живого или же механического слова». Понятие массового слушателя неоднозначно, поскольку массовый слушатель «может состоять или из неорганизованной совокупности случайно сошедшихся в данном месте людей, которых соединяет какой-нибудь временный интерес, или из организованной группы людей, объединенных общей идеологией. В первом случае мы будем иметь дело с толпой, во втором — с коллективом. Массовым слушателем может быть любое собрание людей, лишь бы оно готово было воспринимать то, с чем обращается к нему дея-

<sup>63</sup> Там же, л. 15.

<sup>64</sup> См. соответствующую схему Сюннерберга, приведенную в Приложении (схема 1).

<sup>65</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 21, л. 16.

<sup>66</sup> Здесь и далее цитаты в тексте статьи по: РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 19, л. 15.

тель публичной речи. От последнего зависит эту готовность восприятия остановить и укрепить на своей теме (при помощи умелой ее подачи), а затем и превратить эту пассивную готовность слушать в активную способность сличать в данной теме ту основную идею, какую подчеркивает в ней деятель публичной речи. Превращая отдельных слушающих в слушающих (в указанном смысле), деятель публичной речи соединяет этих слышащих в некоторую группу, связанную общим взглядом на затронутый говорящим вопрос. Эта общность взглядов и создает из толпы хотя бы на некоторое время — коллектив». <sup>67</sup>

«Деятель публичной речи» поэтому является «речевым организатором отдельных человеческих волей в волю коллективную». <sup>68</sup> Здесь, вероятнее всего, можно усматривать некоторое влияние идей Антона Марти (через работы Р. О. Шор), который полагал, что цель оратора — прежде всего «некоторое воздействие или управление чужой психической жизнью слушателя». <sup>69</sup> При перемещении данной ситуации с психологического уровня на уровень общественных отношений можно сказать, что «деятель публичной речи» обращается к толпе «с целью организовать ее волю и тем самым превратить толпу в коллектив более или менее одинаково мыслящих индивидуумов». <sup>70</sup>

Отличительной чертой публичной речи является ее установка на единство и целостность тематики выступления. Так, Сьоннерберг проводит водораздел между разговорной речью и речью публичной следующим образом: «Разговорная речь это такое устное живое частное речевое общение двух или нескольких человек между собою, в процессе которого тема перескакивает часто с предмета на предмет и как бы лишена станového хребта. Публичной речи все это чуждо. Деятель публичной речи (я говорю об искусном деятеле), сев на своего коня, никогда не упустит поводьев: его речь всегда подчинена заранее определенному замыслу, и плох тот деятель публичной речи, который оказывается вынужденным в конце своего выступления говорить не о том, о чем хотел сказать, и не так, как сказать намеревался». <sup>71</sup> Из приведенной цитаты можно заключить, что для Сьоннерберга, как и для Якубинского, публичная речь характеризуется высказываниями «развернутыми, длительными, монологическими». <sup>72</sup> Несколькими годами позже Якубинский опубликовал исторический обзор процесса зарождения и развития публичной речи, в котором, в частности, ее возникновение представлено как следствие появления капиталистических отноше-

<sup>67</sup> Там же, л. 19.

<sup>68</sup> Там же.

<sup>69</sup> *Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*. Halle: Niemeyer, 1908. Vol. 1. P. 284. Марти оказал значительное влияние, в частности, на Р. О. Шор, Г. Г. Шпета и В. Н. Володинова, см.: *Brandist C. 'Voloshinov's Dilemma: On the Philosophical Roots of the Dialogic Theory of the Utterance'* in Craig Brandist et al. eds. *The Bakhtin Circle: In the Master's Absence*. Manchester: University of Manchester Press, 2004. P. 97—124.

<sup>70</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 19, л. 19.

<sup>71</sup> Там же, л. 23.

<sup>72</sup> *Якубинский Л. П. Классовый состав современного русского языка. Язык крестьянства* (статья четвертая) // Литературная учеба. 1930. № 4. С. 90—91. Интересно при этом сравнить работу А. К. Шнейдера, написанную в то же время в ГАХНе (Москва): «Монолог — речь ни к кому обращенная <...> Лекция — это диалог между лектором и аудиторией» (РГАЛИ, ф. 2238, оп. 1, ед. хр. 23, л. 120—121).



ний и наций; в этой ситуации публичная речь превращается в орудие распространения взглядов правящего класса. «Публичная речь, — отмечает Якубинский, — начинает „процветать“ в парламенте и на суде, в высшей школе и на публичных лекциях, на митингах и восстаниях; даже площадь становится ее площадкой. Качественно иная и более сложная государственность, качественно иные и более сложные формы организации хозяйства, несравнимого с феодальным по содержанию и размаху. Противоречия внутри самих господствующих классов капиталистического общества, развивающаяся борьба с пролетариатом, непосредственным классом-антагонистом буржуазии — вот общественное содержание, которое стимулирует (вызывает) публичное говорение при капитализме, в каких бы видах оно ни проявлялось».<sup>73</sup>

Далее в своей статье Сюннерберг предлагает различать деятелей, которые имеют дело со своим собственным словесным материалом, и тех, которые работают над материалом чужим. Он также проводит различие между художественными формами речи, воздействующими на эстетическое чувство, и практическими формами, воздействующими на память, разум, чувство или волю.<sup>74</sup> Однако основная цель его работ заключается в определении места различных форм ораторской речи во всем объеме человеческого речи, для того, чтобы сделать возможным изучение и развитие первого. Под ораторской речью им понималось «синтаксически связанное, логически оформленное и стилистически индивидуализированное выражение человеком своих мыслей, чувств и желаний, которые он высказывает в расчете на массового слушателя при помощи устного живого слова с целью так заразить своими идеями слушателя, чтобы тот счел их своими собственными и чтобы стал бы ими руководиться в жизни».<sup>75</sup>

Во второй части «Теории ораторской речи», озаглавленной «Система видов ораторской речи», Сюннерберг производит дальнейшее разделение этого явления по двум критериям: практическому и «по ораторскому намерению».<sup>76</sup> Классификация по практическому признаку включает речь политическую, судебную, академическую (лекторскую), военную, церковную (речь проповедника) и речь конферансье. Подобная классификация практически не вносит никаких новых дополнений в теорию ораторской речи. Однако классификация, разработанная на основании второго критерия, представляет собой функциональный анализ (начинающийся в статье с подзаголовка «О формах речевой коммуникации»), где формы ораторской речи разложены в порядке возрастания в них интенсивности волевого начала следующим образом:

**а) Установка прежде всего на тематику излагаемого. Цель — привести аудиторию к единому мнению.**

**1) Информационный род**

- i) Осведомляющая речь
- ii) Речь, высказывающая мнение говорящего

<sup>73</sup> Якубинский Л. П. Классовый состав современного русского языка. С. 90—91.

<sup>74</sup> См. соответствующую схему Сюннерберга, приведенную в Приложении (схема 2).

<sup>75</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 19, л. 32; см. также схему Сюннерберга в Приложении (схема 3), в которой структурно представлены основные компоненты, организующие композицию ораторского выступления.

<sup>76</sup> РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 18, л. 33—93.

- iii) Речь, высказывающая пожелание говорящего, или оптативная речь
- iv) Разъясняющая речь
- v) Поучающая речь

## 2) Аргументативный род

- i) Доказывающая речь
- ii) Полемизирующая речь

**б) Установка прежде всего на массового слушателя. Цель — побудить массового слушателя к определенному действию.**

## 3) Декларативный род

- i) Угрожающая речь

## 4) Императивный род

- i) Нападающая или агрессивная речь
- ii) а) Повелевающая речь б) Просящая речь
- iii) Речь, призывающая к действию.

В статье Сюннерберга приведенная классификация сопровождается тонким анализом форм речевой коммуникации, который, к сожалению, невозможно воспроизвести в полном объеме в нашем небольшом очерке. Кроме того, Сюннерберг дает подробное описание процесса перехода одной формы в другую, «с усилением субъективного отношения оратора к своей теме».<sup>77</sup> Статья Сюннерберга является наилучшим контекстом для раскрытия антикантiansкого принципа формирования ценностей на основе фактов.

### Последующее развитие событий

В конце 1920-х гг. в достаточно резкой форме был положен конец партийно-государственный дуализму, способствовавшему ведению данных исследовательских работ. Это незамедлительно повлекло за собой поглощение научных структур государственными, апелляция к которым могла повлиять на решение того или иного вопроса, возникавшего в научном мире. Так, имеются косвенные сведения о том, что В. А. Гофман выступил с идеологической критикой работы Сюннерберга, обвиняя его в идеализме и ссылаясь на его дореволюционные связи с символистами.<sup>78</sup> Вскоре после этого Крепс направил записку, подписанную рядом ведущих сотрудников ИЛЯЗВа<sup>79</sup> (с 1930 г. переименован в Государственный институт речевой культуры (ГИРК)), в комиссию по чистке, прибывшую с проверкой в институт. Записка содержала критические замечания по поводу плохо поставленной идеологической работы внутри института, а также просьбу о передаче литературной секции и марристской подсекции лингвистической секции ГИРКа в Ленинградское отделение Коммунистической Академии

<sup>77</sup> Там же, л. 90.

<sup>78</sup> По всей видимости, сохранился лишь ответ Сюннерберга, см.: РО ИРЛИ, ф. 474, оп. 1, ед. хр. 22, л. 50—65. Мы не располагаем объективным описанием содержания критики Гофмана.

<sup>79</sup> Остается неясным, кто именно подписал записку, однако ректор института Н. С. Державин был убежден, что в числе других в ней имелась подпись Якубинского, см.: ПФА РАН, ф. 827, оп. 3, ед. хр. 101, л. 4.

(ЛОКА). В случае положительного решения данного вопроса ГИРК, в его сокращенном виде, превратился бы в институт узкого профиля, по роду своей деятельности мало отличающийся от Института агитации. Ниже приводится небольшой отрывок из записки Крепса, иллюстрирующий его представление о деятельности нового, «преобразованного» ГИРК:

«Институт ведет научно-исследовательскую и научно-практические работы в области прикладной лингвистики, непосредственно обслуживая потребности культурно-массовой работы (работы по заданиям партийных и общественных организаций), помощь в практической работе агитаторам, пропагандистам, работникам газет и журналов, рабкорам, педагогам и лекторам, работникам судебно-карательных органов, работникам по социалистической перестройке быта и т. д.»<sup>80</sup>

Несмотря на то что ИЛЯЗВ (ГИРК) продолжал функционировать в своем сокращенном виде до конца 1931 г., была утрачена важнейшая часть его исследовательской базы, которая поддерживала прикладную деятельность института, с одной стороны, однако была достаточно независима от нее, чтобы обеспечивать бесперебойную теоретическую работу научного коллектива — с другой. После закрытия ИЛЯЗВ (ГИРКа) Сюннерберг вернулся к переводческой деятельности и в декабре 1933 г. вышел на пенсию.<sup>81</sup>

Некоторые публикации обеих лабораторий, однако, продолжали выходить и в 1930-е гг. Так, в 1931 г. под редакцией Крепса и Эрберга вышел сборник работ лабораторий ИЛЯЗВ и Института агитации под названием «Практика ораторской речи», состоящий главным образом из практических рекомендаций по публичной речи. Однако представляет интерес статья Гофмана, вошедшая в указанный сборник, где автор высказывает мысль о том, что в пролетарской риторике монологизм буржуазной публичной речи становится диалогизованным. Эта идея получила свое дальнейшее развитие в его монографии «Слово оратора (риторика и политика)», вышедшей в 1932 г. В указанных работах расщепление монологизма с помощью вкраплений разговорной речи в работах таких ораторов, как Ленин и Володарский, представлено как своего рода прием идеологического анализа, непосредственной оценки монолога многоголосой аудиторией, к которой он обращен. Этот одновременно диалектический и диалогический прием «снижения», разрушающий «театральный пафос» и «„фетишизм“ слова»,<sup>82</sup> занимает центральное место в критическом анализе романа в работах Бахтина, появившихся несколькими годами позже. В них представлен заключительный этап развития аналитической линии, намеченной дискуссией 1924 г., однако корнями своими уходящей в дореволюционные исследования.

<sup>80</sup> Там же, л. 1—3.

<sup>81</sup> *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Предисловие. Конст. Эрберг (К. А. Сюннерберг). Воспоминания. С. 114.

<sup>82</sup> *Гофман В. А.* Анализ ораторских образцов // *Практика ораторской речи* / Под ред. В. М. Крепса и К. А. Эрберга. Л.: Изд-во Института агитации им. Володарского, 1931. С. 116.

Изучение ранних советских работ, посвященных живому слову и публичной речи, представляется нам чрезвычайно важным, главным образом потому, что оно необходимо для правильного и полного понимания всей истории развития человеческой мысли. Советские исследователи возобновили попытки Аристотеля каталогизировать формы ораторской речи, взглянув на это явление с иных позиций, и тем самым продолжили линию, намеченную в работах австрийских философов, таких, как Антон Марти и Карл Бюлер, идеи которых были широко распространены в России в конце 1920-х гг., а также в работах мюнхенского феноменолога Адольфа Райнаха, очертившего сложную систему «социальных актов» в рамках правопонимания.<sup>83</sup> На значительность этих работ недавно обратила внимание западноевропейская наука; в настоящее время начинает осознаваться и их влияние на развитие русской мысли в 1920-х гг.

Переработка этих идей ранними советскими марксистами представляет собой что-то качественно новое, создаваемое в условиях, когда не было места для политически нейтральной и объективной юридической системы (хотя существование подобной юридической системы в принципе является весьма спорным вопросом). Как справедливо считали древние греки, собственно создавшие систематическое учение о живом слове и публичной речи, государственное право всегда политизировано, как, в конце концов, и любая область общественных наук. Политическое единство советского государства рассматривали как следствие экономического единства двух общественных классов-союзников: пролетариата и крестьянства (в условиях гегемонии первого). По определению Ленина, как всегда лаконичному, «политика есть концентрированная экономика».<sup>84</sup> Каким бы далеким ни казалось это определение от политических реалий советского государства конца 1920-х гг., рассмотренные нами работы, на примере заложенных в них основ социологической теории живого слова и публичной речи, подтверждают справедливость ленинских слов. Исходя из этого, было бы правильным задать вопрос, насколько «постмодернистский» интерес к значению риторики и политизированной природе общественных наук можно считать новаторским, каким его принято считать в настоящее время, а также — насколько глубокое изучение незаслуженно забытых работ поможет найти оптимальный подход к исследованию этих чрезвычайно важных общественных явлений.

*Перевод Е. Б. Чоун*

---

<sup>83</sup> *Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung... Vol. 1. Bühler K. Rezension von Marty Untersuchungen // Göttingische gelehrte Anzeigen, 171, 947—79. Reinach A. «Die apriorischen Grundlagen des bürgerlichen Rechts» // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1/2. 1913. S. 685—847, переиздано: Reinach Gesammelte Schriften. Halle, 1921. P. 166—350.*

<sup>84</sup> «Когда экономические процессы, задачи, интересы получают сознательный и обобщенный («концентрированный») характер, они тем самым входят в область политики, образуя ее существо. В этом смысле политика, как концентрированная экономика, возвышается над повседневной, раздробленной, неосознанной, необобщенной экономической действительностью», — данная выдержка из работы Троцкого помогает прояснить смысл ленинского высказывания (*Троцкий Л. Д. От царапины — к опасности гангрены // Бюллетень оппозиции. 1940. Февр.—март—апр. № 82—83, <http://souz.info/library/trotsky/trotm487.htm>*).

Схема 1. Классификация видов человеческой речи

Речь, рассчитанная на восприятие тремя анализаторами									
1) звуковым акустическая речь [слышимая]						2) световым оптическая речь [видимая]		3) кожно-механическим тактильная речь [осязаемая]	
Устная акустическая речь									
Органическая [живая]						Механическая [мертвая]			
Публичная [рассчитанная на массового слушателя]			[Частная] «разговорная»						
опосредствованная		непосредственная	↔ ↔	непосредственная	опосредствованная	опосредствованная	непосредственная	опосредствованная	опосредствованная
Рупорная речь Громкоговоритель Радио и др.		Сценическая речь Эстрадная речь декламация рассказывание лито-монтаж  Школьная речь пересказ Ораторская речь политическая судебная лекторская деловая военная проповедь conférence		Агит-проп. беседа	Бытовая речь  Деловой разговор	Телефонная речь	Фонографическая речь Диктофон граммофон	Естественная мимика Естественная жестикауляция Ручная (линейная) речь Выразительное артикулирование как суррогат акустической устной живой речи	Оперирование предметами-символами
искусственная	Неустная акустическая речь					Небуквенная оптическая речь	Буквенная оптическая речь	Небуквенная тактильная речь	Буквенная тактильная речь

Искусственная	Неустная акустическая речь	Небуквенная оптическая речь	Буквенная оптическая речь	Небуквенная тактильная речь	Буквенная тактильная речь
Использование «говорящей машины» Фабера Использование «читающей машины» Розинга Звуковое телеграфирование Буквенная акустическая сигнализация (перестукивание по тюремной азбуке)	Бирки, ватпум, квиписы Пиктография Идеографическое письмо (Китай, Египет) Силабическое письмо (Санскрит) Стенографическое письмо Условная жестовая оптическая сигнализация Условная оптическая сигнализация (огневая, дымовая) Кинофотография	Буквенное письмо (фонетическое) Буквенное телеграфирование (Юз, Морзе и др.) Буквенное свето-цвето-телеграфирование (зеркало, прожект., флаги) Буквенная оптическая сигнализация (семафоры) дактилология хейтология оптич.	Узл. Китайское письмо усл. жест. тактильная речь	Унциальное письмо Брайлево точечное письмо Буквенное тактильное письмо Буквенное тактильное телеграфирование Дактилология и хейтология такт. как суррогат оптич.	

Схема 2. Сравнительная характеристика видов акустической устной живой публичной речи

Деятель		Арена	Материал	Обработка материала	Подача материала	Цель деятельности		Характеристика деятельности	
1	Актер	} Сцена {	} Чужой { Свой	Дословная передача роли	Не от своего лица	художественная		Истолкование чужой/своей организационной деятельности	
2	Актер-импровизатор			Свободная передача сценария					
3	Исполнитель литомонтажа	Эстрада	Чужой	Дословная передача фрагментарного литературного материала	Не от своего лица			Истолкование чужой организационной деятельности	
4	Декламатор	Эстрада	Чужой	Дословная передача стих.	Не от своего лица			Воздействие на эстетическое чувство	Истолкование чужой/своей организационной деятельности
5	Поэт-импровизатор		Свой	Свободная передача темы стих.	Всегда от своего лица				
6	Чтец		Чужой	Дословная передача произв. худож. прозы	Не от своего лица				
7	Рассказчик-импровизатор		Свой	Свободная передача темы рассказа	Всегда от своего лица				
8	Исполнитель «худож. рассказывания»	Эстрада	Чужой	Недословная передача рассказа	Не от своего лица				Дезорганизация чужой организационной деятельности
9	Пересказчик	Школьная скамья	Чужой	Недословная передача темы прочитанного	Не от своего лица				Воздействие на память

Деятель	Арена	Материал	Обработка материала	Подача материала	Цель деятельности		Характеристика деятельности
					практическая	Воздействие на разум, чувство и волю	
10 оратор	Политический	Свой	Свободная пере- дача темы речи	Всегда от своего лица	практи- ческая	Воздействие на разум, чувство и волю	Истолкование своей организа- ционной деятель- ности
11	Судебный	Судебное заседа- ние	Свободная пере- дача темы речи	Всегда от своего лица	практи- ческая	Воздействие на разум, чувство и волю	
12	Лектор	Академич. кафедра					
13	«Деловой»	Деловое заседа- ние					
14	Военный	Фронт					
15	Проповедник	Церковн. кафедра					
16	conférencier	Эстрада					



Схема определения термина

